

⁶⁵ В наши дни отечественные издатели все реже обращаются к переводам и изданию работ зарубежных специалистов по новейшей истории России и РПЦ. Познакомиться же с ними в оригинальном виде по-прежнему непросто – катастрофическая ситуация с комплектованием фондов отечественных библиотек (включая центральные) трудами иностранных историков стала немного меняться к лучшему лишь в самое последнее время.

⁶⁶ Не далее как в 2005 г. канадский историк Ф. Лонгворт сетовал на столь «важное упущение» современной отечественной историографии, как «фактически полное отсутствие» работ, посвященных управленческой, пасторской, политической и миссионерской деятельности РПЦ при царизме. См.: *Longworth P. Russian History in the Post-Communist Age: A Personal View // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / Под ред. Д. Свака. Будапешт, 2005. П. 201.*

⁶⁷ *Ransel D.L. A Single Research Community: Not Yet. P. 550–551.*

© 2011 г. Н.В. МАКАРОВ*

ЛИДЕР РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА П.Н. МИЛЮКОВ В ОЦЕНКАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: сравнительный анализ

Осмысление истории российского либерализма сложно представить без изучения биографий, мировоззрения, политических идеалов его руководителей и идеологов. Жанр политической биографии позволяет «очеловечить» историю, увидеть за социально-экономическими и политическими схемами живых людей с их представлениями и нуждами. Этот жанр, активно развивающийся в отечественной историографии¹, в англо-американской исторической науке давно является традиционным².

Особое внимание уделяется при этом фигуре лидера российского либерализма П.Н. Милюкова. В англоязычной науке созданы 2 фундаментальные биографии Милюкова³, ему посвящено многочисленных статьи⁴, уделяется внимание в книгах как по истории российского либерализма⁵, так и в трудах, затрагивающих общие сюжеты российской дореволюционной истории⁶. С идейно-теоретическими построениями Милюкова, его огромной ролью в руководстве партией, тактическим курсом нередко связывается судьба либерализма в дореволюционной России. И в отечественной историографии в последние десятилетия появились работы, специально посвященные лидеру кадетов. Это журнальные статьи⁷, монографии⁸, статьи в энциклопедических изданиях⁹. К 140-летию и 150-летию Милюкова были приурочены международные конференции, по материалам которых вышли информативные сборники¹⁰. При этом в последние годы между российскими и западными учеными, изучающими биографию Милюкова, установился достаточно прочный диалог, что и позволяет провести содержательный сопоставительный анализ их концепций. Данная статья является попыткой такого анализа материала доэмигрантского периода его жизни.

Англо-американские историки уделяют значительное внимание истокам мировоззрения Милюкова. Они подчеркивают влияние, оказанное на него теоретиками позитивизма – О. Контом, Г. Спенсером, Дж. Ст. Миллем и др., сказавшееся в первую очередь в «Очерках по истории русской культуры»¹¹. Подобное влияние подчеркивают и отечественные историки, но в последние годы этот тезис корректируется. Помимо традиционных утверждений о том, что «позитивистские взгляды легли... в основу исторической концепции Милюкова» (Н.Г. Думова), российские историки отмечают ныне и влияние на исторические воззрения Милюкова американских социологов Л. Уорда и Ф.Г. Гид-

* Макаров Николай Владимирович, кандидат исторических наук, начальник отдела наук о человеке и обществе Российского фонда фундаментальных исследований.

дингса, немецкого историка К. Лампрехта и др. (М.Г. Вандалковская). В.Ф. Пустарнаков пишет, что выход позитивизма Милюкова из классических рамок был не случаен: «это была активистская, динамическая социология, соответствующая новому либерализму, к которому принадлежал Милюков». А.Н. Медушевский считает, что взгляды Милюкова эволюционировали в направлении неокантианства и эмпириокритицизма. Позитивизм Милюкова, считают его биографы А.В. Макушин и П.А. Трибунский, был «воинствующим», начисто отвергавшим любую «метафизику». Что же касается склонности Милюкова к неокантианству, Макушин и Трибунский считают такое утверждение преувеличением, поскольку обладая насквозь рационалистическим мировоззрением, Милюков «чувствовал себя уверенно» в науке лишь там, где мог опереться на разум, факты. В отличие от неокантианцев, он признавал наличие исторических законов. О негативном отношении к неокантианству свидетельствует и его полемика против П.Б. Струве¹².

Для англо-американских ученых историческая концепция Милюкова интересна не только с научной, но и с политической стороны. Так, Т. Эммонс подчеркивает, что «Очерки по истории русской культуры» и дискуссия вокруг них свидетельствовали, что спор о судьбах России и Европы стал «составной частью борьбы за политическую власть»¹³. Г. Хэмбург в новой кембриджской «Истории России» пишет: Милюков, «непримиримый позитивист», ожидал, что «распространение науки в России будет означать освобождение народа от религиозных предрассудков и... национализма»¹⁴. Издавна многие западные ученые подчеркивают, что историческая теория стала для Милюкова своеобразным мостом к конституционным идеям. На это указывают, например, Дж. Фишер, Ш. Галай, К. Фролик. Однако этот факт историки оценивают по-разному. Галай заявляет, что «конституционно-парламентарная система Западной Европы воплощала для него высшую стадию в развитии человеческого общества». С другой стороны, Р. Шарк и Э. Крэнкшоу считают, что либерализм Милюкова был беспочвен, противоречил русскому опыту и традициям¹⁵.

Отечественные ученые в последние годы подходят к проблеме западничества Милюкова более взвешенно. Так, Л.В. Селезнева считает, что для Милюкова заимствование элементов западной жизни было проблемой не только «подражания», но и «приспособления» их к русским реалиям¹⁶. Это подчеркивают и некоторые западные ученые, но они оценивают взгляды Милюкова на российское своеобразие иначе. Например, С. Брейар пишет, что Милюков не призывал копировать в России европейские политические формы, но считал модернизацию государственного строя России средством преодоления отсталости русских порядков. Схожая позиция у Т. Эммонса. Он также считает, что особенности России были для Милюкова признаком ее «отсталости»¹⁷. По мнению А.А. Кара-Мурзы, Милюков пытался найти баланс «между... верой в европейский универсализм и пониманием очевидной русской особости»¹⁸.

Одной из главных личностных черт своего героя современный американский биограф Милюкова М. Стокдэйл считает его «беспочвенность». «Неопределенный социальный статус родителей, неприкаянные годы ранней молодости, отсутствие сильного чувства семьи и ощущения религиозного наследия, недостаток идентификации с определенным поколением», разногласия на научной почве с В.О. Ключевским – все это за университетские годы воспитало в Милюкове сильное чувство свободы и личной независимости. Схожие идеи высказывала Н.Г. Думова¹⁹.

Проблемы политических идеалов Милюкова рубежа XIX–XX вв., его контактов с русской радикальной интеллигенцией, участия в ее организациях (таких, как Вольное экономическое общество, «Народное право», «Союз освобождения»), сотрудничества в радикальных журналах («Русское богатство», «Мир Божий», «Освобождение» и др.), его деятельность в рязанской ссылке (1895–1897 гг.) и за границей (в Болгарии, США и др.) досконально исследуются в книге Макушина и Трибунского. Многие сюжеты этой фундаментальной работы, написанной в основном по материалам отечественных и зарубежных архивов, вообще разрабатываются столь детально впервые. С другой стороны, многие суждения Макушина и Трибунского достаточно близки к

выводам англо-американских историков, в основном «традиционного» направления. Введение конституционного строя в России, считают авторы, Милюковым (как и многими российскими интеллигентами того времени) воспринималось «в качестве могущественного средства от всех недугов, поразивших Россию». Как и многие его современники-либералы, он активно поддерживал сотрудничество с более радикальными политическими силами, в том числе высказывал симпатии к политическому террору. В целом либерализм Милюкова был крайним, граничил с радикализмом; отношение к властям было «демонстративно нелояльным», а политические идеалы во многом имели зарубежное происхождение, не всегда соотносившееся с российскими реалиями²⁰.

Невелика по объему, но насыщена по содержанию статья Ф.А. Гайды, опубликованная в сборнике, приуроченном к 150-летию П.Н. Милюкова. Автор решает интересную проблему «научно-исторической мотивации» политической деятельности лидера русских либералов. Гайда пишет, что Милюков в характерной для своего времени манере воспринимал Россию как страну, отстающую от Запада и имеющую цель нагнать его в своем развитии. Как историк он получил возможность не только сформулировать «идеал и общее направление движения», но и указать «наиболее простой и безболезненный путь к этому идеалу». На этом во многом и был построен авторитет Милюкова в кадетской партии. Основываясь на своих исторических познаниях, Милюков, переходя в политическую сферу, ставил задачу корректировки «процесса слома Старого порядка», во многом опираясь на модели, предложенные западноевропейской историей. Ожиданием исторически неизбежных реформ, к примеру, было обусловлено его «пораженчество» в годы русско-японской войны. Милюков считал самодержавие обреченным на гибель, поэтому в период Первой русской революции и в последующие годы неизменным принципом лидера русских либералов была установка «не вступать в стратегические соглашения со Старым порядком» (отказ от предложений С.Ю. Витте на переговорах осенью 1905 г., от осуждения террора в 1907 г. и т.д.). В период работы III Думы Милюков отталкивался от модели развития Июльской монархии во Франции, при которой «правительство... должно было неизменно поправять», а борьба оппозиции за конституционные гарантии являлась «единственно верной тактикой». Отталкиваясь от европейского канона, рассматривал Милюков и роль кадетской партии в период с 1905 г. В условиях России – страны отсталой – необходимо было создание общенародной, «внеклассовой» либеральной партии. При этом цели либералов и социалистов фактически были одинаковыми (отличались лишь средствами). По этому же канону Милюков рассматривал роль Государственной думы, сопоставляя ее то с французскими Генеральными штатами, то с Франкфуртским парламентом. Конечно, схема Милюкова, как подчеркивает Гайда, оказалась неработоспособной: «Делать революции “по-научному” не получилось»²¹.

Англо-американские историки оценивают политическую деятельность Милюкова неоднозначно. Представители «традиционной» историографии рассматривают его линию как доктринально-радикальную – особенно в период 1905–1907 гг. Либерализм предполагал для лидера кадетов не «органический рост» конституционных учреждений, а «прыжок» к парламентаризму, что значило «уничтожение режима»²². Р. Шарк подчеркивает, что возникший на этой почве союз с революционерами имел для кадетов тяжкие и долгосрочные последствия²³. В период II Думы, пишет Р. Хэйр, Милюков «мало отличался от социалистов», имея, подобно им, одну цель: «опрокинуть правительство»²⁴. По словам Л. Шапиро, «трагедией Милюкова было то, что он верил, что является либералом, хотя в действительности он был радикалом»²⁵. Много критики со страниц произведений англо-американских ученых раздается в адрес политической линии Милюкова периода Первой мировой войны. В этой связи исследователи вновь и вновь возвращаются к его речи в Думе 1 ноября 1916 г. с ее лейтмотивом «глупость или измена?» Как считает биограф Николая II Д. Ливен, речь Милюкова была безответственна и опасна, и единственным результатом, которого она достигла, была «революция на улицах Петрограда»²⁶. По мнению С. Бэдкок, речь Милюкова была «бесстыд-

ной» и фактически означала «призыв к революции»²⁷. Близкие оценки высказывают О.Г. Малышева и М.В. Оськин²⁸.

Историки-«либералы» относятся к деятельности Милюкова с большей симпатией. Одним из первых такую позицию занял еще в 1930-х гг. Б. Пэйрс, который считал, что взгляды Милюкова были продуктом современного ему английского либерализма²⁹. Классическим отражением «либерального» подхода является биография Милюкова, написанная Т. Рихой. Кредо Милюкова, по Рихе, составляли «сдержанность, осторожность и компромисс». В «Союзе освобождения» Милюков занимал среднюю позицию между земцами-конституционалистами и «левой интеллигенцией». Но, к примеру, участие представителей русских либералов в Парижской конференции оппозиционных и революционных партий (30 сентября – 4 октября 1904 г.) состоялось во многом из-за замешательства Милюкова: он был «ослеплен» в своем непонимании «действительных различий между либералами и революционерами», переоценивал здравый государственный смысл последних. После победы на выборах в I Думу кадеты сочли, что их партия представляет «реальный голос воли народа», и их тон в отношении правительства – поначалу достаточно умеренный – стал «более высокомерен». Годы Первой мировой войны были периодом умеренности Милюкова. Он стремился представить кадетов центром патриотически настроенной российской общественности. Смыслом поведения Милюкова в думском Прогрессивном блоке было стремление избежать революции через убеждение правительства в необходимости «министерства общественного доверия». Но правящие сферы отвергли это предложение, и революция стала неизбежна уже в 1915 г. Относительно речи 1 ноября 1916 г. Риха пишет, что Милюков рассчитывал, во-первых, на эффект в армии, во-вторых, считал возможным вернуть пассивной Думе «полное доверие населения». Во втором пункте он достиг своей цели, что положило начало «мифу о Думе как творце Февральской революции». Однако лидер кадетов «дышал только петроградской думской атмосферой» и преувеличивал значение Думы как фактора влияния на народное движение³⁰.

М. Стокдэйл полагает, что начало работы IV Думы «обнаружило Милюкова в воинственном настроении». Линия на изменение избирательного закона, реформу Государственного совета и создание «ответственного министерства» была созвучна настроениям провинциальных кадетов, традиционно настроенных радикально. Этой позицией Милюков хотел показать правительству, что оно изолировано, а подлинную общественную силу являет собой Дума. С начала войны лидер кадетов был вынужден блюсти единство и блока, и собственной партии, из рядов которой раздавались радикальные лозунги. Линия его восторжествовала: раскол партии, казавшийся неизбежным на ее VI съезде (февраль 1916 г.), удалось предотвратить. Но в противоположность Рихе, считающему, что Милюков остался центристом и «примирителем» и в 1917 г., Стокдэйл пишет, что тот резко сменил свою позицию после первого кризиса Временного правительства. Тогда Милюков стал убежден, что компромисс с социалистами невозможен, а цели их и кадетов абсолютно различны. Апрельский кризис знаменовал для него конец «эйфорического периода» революции. После него Милюков видел только 2 варианта развития русской государственности: либо страна пойдет по пути удовлетворения классовых, национальных и других требований населения (что поведет к ее окончательному распаду), либо – по пути укрепления государственности. Полагая, что мировоззренчески Милюков оставался прежде всего историком, Стокдэйл делает важный вывод: либералом – в смысле «веры в верховенство индивидуальных и абсолютных ценностей» – он никогда не был. Либерализм Милюкова был скорее «социологическим», чем «философским»³¹.

Не столь резко, как историки «традиционного» направления, оценивают историки-«либералы» думскую речь Милюкова 1 ноября 1916 г. К примеру, П. Уолдрон придерживается мнения о том, что речь Милюкова была признаком возросшей оппозиционности русских либералов, на которую их спровоцировала власть, отвергнув предложение о создании «министерства доверия»³². Э. Лор в обобщающей «Истории России», выпущенной Кембриджским университетом в 2006 г., пишет, что речь Милюкова стала сви-

детельством того, до какого низкого уровня упал в обществе к концу 1916 г. престиж царской власти и правительства³³.

Многие отечественные историки в последние годы (в особенности непосредственно после распада СССР и отхода отечественной исторической науки от марксистского подхода) заняли позиции, в целом напоминающие оценки Милокова англо-американскими историками-«либералами». В начале 1990-х гг. в российской исторической науке была сильна тенденция к оценке Милокова как «русского европейца» и признанию того факта, что либеральная модель общественных преобразований не реализовалась в России из-за силы крайних течений в русской политической жизни. Такой подход отстаивали Н.Г. Думова, М.Г. Вандалковская, отчасти А.Н. Медушевский³⁴. В исследованиях последних лет наметилась тенденция к преодолению этого одностороннего взгляда³⁵. Стоит также отметить, что отдельные стороны политической биографии Милокова, разрабатываемые отечественными исследователями, впервые раскрываются в этих работах с большой полнотой. Например, в монографии И.В. Алексеевой на материалах личного фонда Милокова в ГА РФ тщательно разрабатывается вопрос о «секретной миссии» Милокова в западные страны в августе–сентябре 1916 г. (уже по окончании официального визита российской думской делегации)³⁶. Целью Милокова во время этой поездки был сбор сведений с целью доказать якобы готовившуюся в верхах «измену» и стремление к сепаратному миру со странами германского блока. Главной мишенью стал, как известно, председатель Совета министров Б.В. Штюрмер. В ходе поездки состоялись встречи Милокова с А.К. Бенкендорфом, послом в Париже А.П. Извольским, П.Л. Барком, лидером французской межпарламентской группы Франклин-Бульоном и социалистом П. Реноделем, норвежским королем Гаконем (которого Милоков просил воздействовать на Николая II и Александру Федоровну благодаря родственным связям). Также Милоков наводил справки в Швейцарии через русских эмигрантов. Однако сведения, собранные на Западе, были «скорее собранием слухов»; в своих выступлениях по возвращении лидер кадетов намеренно сгущал краски и преувеличивал значимость добытых сведений, в чем сам позже признавался. В этом контексте, с учетом стремления оппозиции «взять внешнюю политику в свои руки», а также помня о ее страхе спровоцировать народную революцию и следует, считает Алексеева, расценивать речь 1 ноября 1916 г.³⁷

Англо-американские историки-«ревизионисты» нечасто предпринимали попытки целостного освещения деятельности Милокова. Одна из немногочисленных попыток такого рода была сделана Т. Андерсоном. Милоков, считает Андерсон, всегда держался средней линии, балансировал между правящими верхами и левыми радикалами и искренне полагал, что правительство должно опираться не на определенный класс общества, а на общество в целом. Провозглашение кадетов «оппозицией его величества», благосклонное отношение к правительству во время Первой мировой войны, думская речь 1 ноября 1916 г., уверенность после Февраля 1917 г. в незыблемости прав Учредительного собрания и другие факты свидетельствовали о вере Милокова в возможность осуществления конституционного идеала в России. Нападки же на правительство имели целью исправить отдельные его ошибки или «вычистить» из него отдельные фигуры³⁸.

Другие западные историки-«ревизионисты» освещают лишь эпизоды политической деятельности Милокова. Так, К. Фролих много внимания уделяет его программным статьям, появляющимся на страницах журнала «Освобождение». По его мнению, критика Милокова заставила П.Б. Струве признать, что «Освобождению» необходимо занять «открыто и решительно конституционную» и «демократическую» позицию³⁹. Р. Пирсон посвятил статью позиции Милокова на VI съезде кадетов (февраль 1916 г.), на котором фактически решался вопрос о единстве партии. Этот же сюжет рассматривается и в его монографии. Как пишет Пирсон, в борьбе с провинциальными кадетами Милоков «не только остался (главой кадетов. – Н.М.), но и одержал победу». Объяснение этого, считает Пирсон, во многом находится в плоскости тактических уловок лидера партии. Так, ЦК кадетов тщательно отбирал делегатов съезда; момент съезда

был подобран намеренно (незадолго до его открытия Думу посетил Николай II, и это располагало многих считать, что отношения Думы и монарха улучшатся); съезд был созван в Петрограде, а не в Москве, славящейся большей оппозиционностью и т.д. К осени 1916 г., после летнего политического затишья, пишет Пирсон, в либеральных кругах России под влиянием роста массового движения началось оживление. Перед кадетами стоял выбор: продолжать линию на «священное единение» и окончательно терять поддержку масс или идти на конфронтацию с правительством и рисковать «собственным политическим уничтожением». Большая часть кадетов хотела «использовать блок для канализации оппозиционного движения» и получения уступок от правительства. В этом контексте следует рассматривать и думскую речь Милокова 1 ноября 1916 г.⁴⁰

В дни Февральской революции, считает японский историк Ц. Хасегава, главным вопросом для партии кадетов был вопрос о легитимности Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Милоков считал, что Дума, лишённая массовой опоры, будет бессильна направлять события. Поэтому Временный комитет решил «идентифицироваться с восставшими». В своей речи на митинге в Таврическом дворце 2 марта 1917 г. словами «нас выбрала русская революция» Милоков провозглашал последнюю источником власти Временного правительства. В то же время он поддерживал «старую династию», будучи сторонником передачи верховной власти вел. кн. Михаилу Александровичу⁴¹. У.Г. Розенберг также признает вопрос о власти центральным для кадетов и их лидера в период Февральской революции. Милоков, решая вопрос о легитимности нового режима, хотел заручиться санкцией и Петроградского Совета, и старых властей и, очевидно, не хотел получать власть напрямую из рук Думы, избранной по цензовому закону 3 июня 1907 г.⁴² По мере развития политического кризиса в стране в 1917 г., отмечает Розенберг, многие кадеты во главе с Милоковым начали симпатизировать идее «сильной власти» и консолидироваться с более консервативными политическими силами и верхушкой армии, в частности с Л.Г. Корниловым. Но контакты эти были, по Розенбергу, «достаточно эфемерны» и практических действий в поддержку Корнилова предпринималось немного. Точка зрения Розенберга в целом подтверждается фактическим материалом⁴³. Поэтому вряд ли можно считать кадетов вдохновителями и руководителями заговора, как нередко утверждалось в советской историографии. Главной задачей кадетов было «любой ценой предотвратить гражданскую войну», сформировать новое правительство, включающее и либералов, и умеренных социалистов, и военных, а в итоге – примирить Керенского и Корнилова⁴⁴. Схожей точки зрения придерживается Р. Уэйд⁴⁵.

Милоков являлся не только политиком, но и видным теоретиком кадетской партии. Главными проблемами российской действительности, в которых он считался экспертом, были национальный вопрос и внешняя политика. Подход Милокова к национальным проблемам подробно освещается М. Стокдэйл на основании анализа неопубликованных архивных источников – лекций Милокова «Национализм и национальный вопрос» и «Национальность и государство» (1912)⁴⁶. Сравнивая их с концепцией «Очерков по истории русской культуры», американская исследовательница приходит к выводу о влиянии на Милокова О. Бауэра и Э. Дюркгейма, а среди русских источников – трудов А.Д. Градовского и М.М. Ковалевского. Если в «Очерках» Милоков делал упор на язык как главный фактор, определяющий национальность, то в упомянутых лекциях он рассматривал его как «возможный, но не являющийся главным» элемент национальности; то же утверждалось относительно религии и этнического происхождения. Ведущим элементом национальности в своих лекциях Милоков называл «чувство солидарности, основанное на двух связанных элементах: вере в общую историю или традицию и чувстве общих ценностей и целей в настоящем». В результате такого подхода «национальность» становилась для Милокова «волюнтаристским и в высшей степени субъективным предметом». Следуя Ж.Э. Ренану, он утверждал, что «национальность можно выбирать». Милоков утверждал, что национальная идея не является некой неизменной данностью. По мере укоренения ее среди широких

масс населения (через национальную интеллигенцию) «национальное сознание становится “демократическим” явлением». «Альфой и омегой» здоровой национальной политики должно было стать равенство национальностей пред законом с вытекающим отсюда правом на использование местного языка в учебных заведениях, судах, в определенных случаях (например, в Финляндии) – широкое местное самоуправление и т.д.⁴⁷

Мнения, близкие взглядам М. Стокдэйл, высказывает О.Ю. Малинова. А.Ю. Бахтурина указывает, что Милюков «был весьма последовательным противником выхода Польши из состава Российской империи», и пребывание на посту министра иностранных дел Временного правительства «не изменило его позицию». Иной взгляд на подход Милюкова к польскому вопросу отстаивала Н.Г. Думова: будучи до Февральской революции бескомпромиссным сторонником единства России, именно Милюков после Февраля настоял на независимости Польши. Похожа и позиция А.В. Игнатьева: после Февраля Милюков согласился на независимость Польши, хотя и обставил ее «некоторыми существенными оговорками»⁴⁸.

Анализируя внешнеполитические взгляды Милюкова и его позицию как министра иностранных дел, Т. Риха отмечает их «сдержанность и умеренность». Милюков, пишет Риха, считал войну устаревшим способом решения конфликтов между нациями. Он защищал мир, утверждает М. Стокдэйл, не с моральной точки зрения, а с позиций охраны интересов государства. На него повлиял труд Н. Энджелла «Великая иллюзия», автор которого обосновывал экономическую невыгодность войн и опровергал социал-дарвинистские установки в геополитике. В.В. Шелохаев, напротив, признает, что Милюков и кадеты считали войны возможным и в известной степени необходимым методом решения международных проблем. К мнению Шелохаева близок и А.В. Игнатьев. Милюков, считает он, был противником войн только в теории. При столкновении с действительностью пацифизм «сразу уступал место трезвому прагматизму». Внешнеполитическая позиция российских либеральных партий была «либерально-империалистической идеологией»⁴⁹. Англо-американские историки считают, что перемена настроений Милюкова с началом Первой мировой войны была следствием не беспринципности, а наоборот, принципиальности лидера кадетов: государство, полагал он, должно всячески отстаивать свою безопасность и независимость, не уклоняясь от войны. Целями России в войне Милюков считал освобождение угнетенных национальностей (австрийских славян, турецких армян и др.); обретение Россией проливов Босфор и Дарданеллы; внутреннюю демократизацию страны после окончания войны, залогом чего во многом выступал союз с Англией и Францией; обеспечение прочного мира на основе создания после войны международной лиги, занимающейся вопросами войны и мира и др.⁵⁰

С.Дж. Смит затрагивает такой аспект проблемы, как отношения Временного правительства и кадетов со странами Антанты. Непримируемый курс Милюкова, пишет исследователь, «причинял некоторое беспокойство западным державам», которые имели в войне собственные цели. Курс на «примирение» Временного правительства и Совета «под руководством Керенского» отчасти инспирировали страны Антанты в апреле 1917 г., а отставка Милюкова была им выгодна⁵¹.

Англо-американские историки-«ревизионисты» считают, что после Февральской революции кадеты продолжили внешнеполитический курс свергнутого режима. Такая установка разделялась и советскими исследователями, которые, помимо утверждения об империализме кадетов после Февральской революции, обращали внимание на то, что затягивание войны позволяло партии откладывать разрешение злободневных внутрисполитических вопросов⁵². Историки-«ревизионисты» уделяют внимание также отношениям Милюкова и Временного правительства с державами Антанты. По мнению Р. Уэйда, Милюков был неудобен для союзников, обеспокоенных его непопулярностью внутри страны. Подобная позиция союзников и облегчила Керенскому его выступление от 12 апреля⁵³. Все эти факты отмечались также отечественными исследователями⁵⁴.

Таким образом, если с позиций «традиционного» направления в англо-американской историографии (Р. Пайпс, Э. Крэнкшоу, Р. Хэйр, Л. Шапиро и др.), Миллюков был радикалом и его политическая линия была близка к революционной, то для «либералов» (Т. Риха, М. Стокдэйл, П. Уолдрон, Ш. Галай, Т. Сталтс и др.) он являл собой образец дальновидного либерального политика и государственного деятеля. «Ревизионисты» же (Р. Пирсон, Ц. Хасегава, У. Розенберг и др.), достаточно близкие в своих позициях к советским историкам, склонны подчеркивать умеренность Миллюкова, возглавлявшего партию, в чьи цели не входило провоцирование революций и чья судьба была тесно связана с судьбой монархии. Можно также отметить, что представители популярного ныне на Западе направления «новой политической истории» существенного вклада в изучение фигуры Миллюкова пока не внесли.

Вопрос о взаимном притяжении и отталкивании отечественной и англо-американской исторических традиций неоднозначен. Если, к примеру, в отношении развития историографии 1960-х – начала 1990-х гг. можно констатировать определенное воздействие советской исторической науки на «ревизионистов», то сейчас складывается более сложная картина. Работы, тяготеющие и к историкам-«либералам» (Н.Г. Думовой, М.Г. Вандалковской, А.Н. Медушевского), и к сторонникам «традиционных» западных взглядов (О.Г. Малышевой, отчасти Ф.А. Гайды, А.В. Макушина и П.А. Трибунского), в современной исторической науке России, безусловно, есть. Но сходство в оценках далеко не всегда означает прямое воздействие: путь современных российских ученых вполне самостоятелен. Можно еще раз отметить, что за последние годы между российскими и западными учеными, изучающими фигуру Миллюкова, установились достаточно тесные научные связи. Безусловно, особенности национальных научных школ будут сохраняться, но нельзя не замечать и происходящих между ними интеграционных процессов.

Примечания

¹ См., например: *Гнатюк О.Л.* П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; Российские либералы / Под ред. В.В. Шелохаева, Б.С. Итенберга. М., 2001; Российский либерализм: Идеи и люди / Отв. ред. А.А. Кара-Мурза. М., 2004; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; *Аронов Д.В.* Первый спикер: Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006; и др.

² См., например: *Putnam G.F.* Russian Alternatives to Marxism: Christian Socialism and Idealistic Liberalism in Twentieth Century Russia. Knoxville, 1977; *Pipes R.* Struve: Liberal on the Left, 1870–1905. Cambridge (Mass.); L., 1970; *idem.* Struve: Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge (Mass.); L., 1980; *Gleason W.* Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983; *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian liberalism. Oxford, 1987. P. 291–341; *McKenzie K.E.* The political faith of Fedor Rodichev // *Essays on Russian Liberalism* / ed. by С.Е. Timberlake. University of Missouri press, 1972. P. 41–62; *Davies D.A.* V.A. Maklakov and the Westernizer tradition in Russia // *Ibid.* P. 78–89; *Galai S.* A liberal's vision of Russia's future, 1905–1914: The case of Ivan Petrunkevich // *Russian and East-European History. Selected papers from the Second world congress for Soviet and East European studies.* Garmisch-Partenkirchen, September 30 – October 4, 1980. Berkeley, 1984. P. 96–120; *idem.* The tragic dilemma of Russian liberalism as reflected in Ivan Il'ic' Petrunkevich's letters to his son // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Bd. 29. 1981. № 1. P. 1–29; *Zimmerman J.E.* Russian liberal theory, 1900–1917 // *Canadian-American Slavic Studies.* Vol. 14. 1980, № 1. P. 1–20; *Idem.* The political views of the Vekhi group // *Ibid.* Vol. 10. 1976. № 23. P. 307–327; и др.

³ *Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame; L., 1969; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca; L., 1996.

⁴ *Tuck R.L.* Paul Miljukov and negotiations for a Duma ministry, 1906 // *The American Slavic and East European Review.* Vol. 10. 1951. № 2. P. 117–129; *Goldenweiser A.* Paul Miliukov – historian and statesman // *Russian Review.* Vol. 16. 1957. № 2. P. 3–14; *Smith C.J.* Miliukov and the Russian national question // *Russian Thought and Politics* / ed. by H. McLean. Cambridge (Mass.), 1957. P. 395–420; *Riha T.* Miliukov and the Progressive Bloc in 1915: A study in last-chance politics // *The Journal of Modern History.* Vol. 32. 1960. № 1. P. 16–24; *Pearson R.* Miliukov and the Sixth Kadet congress //

The Slavonic and East European Review. Vol. 53. 1975. № 2. P. 210–229; *Breuillard S.* Russian liberalism – utopia or realism? The individual and the citizen in the political thought of Miliukov // *New Perspectives in Modern Russian History. Selected papers from the Fourth world congress for Soviet and East European studies*, Harrogate, 1990. L.; Basingstoke, 1992. P. 99–116; *Stockdale M.K.* Miliukov, nationality and national identity // П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат / Материалы международной научной конференции. Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000. С. 275–287; и др.

⁵ См., например: *Fischer G.* Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958; *Galai S.* The Liberation Movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, 1973; *Fröhlich K.* The Emergence of Russian Constitutionalism, 1900–1904: The Relationship Between social Mobilization and Political Group Formation in Pre-revolutionary Russia. The Hague, 1981.

⁶ См., например: *Anderson Th.* Russian Political Thought: An Introduction. Ithaca; L., 1976; *Events that Changed Russia since 1855* / ed. by F.W. Thackeray. Westport, 2007.

⁷ *Медушевский А.Н.* П.Н. Миллюков: ученый и политик // *История СССР*. 1991. № 4. С. 20–41.

⁸ *Думова Н.Г.* Либерал в России: Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Миллюкова. Ч. I. М., 1993; *Вандалковская М.Г.* П.Н. Миллюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Миллюков: Труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001; *Дорохов В.Н.* Исторические взгляды П.Н. Миллюкова. Сергиев Посад, 2005.

⁹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 362–365; Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 290–293; Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 427–432; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 573–580.

¹⁰ П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат; Мыслящие миры российского либерализма: Павел Миллюков (1859–1943) / Материалы Международного научного коллоквиума. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М., 2010.

¹¹ См., например: *Fischer G.* Op. cit. P. 70; *Galai S.* The Liberation Movement in Russia. P. 120; *Fröhlich K.* Op. cit. P. 77; и др.

¹² *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 16–17, 19, 51–53; *Вандалковская М.Г.* Указ. соч. С. 125–126, 138–141; П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. С. 21; *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 25; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 339–340.

¹³ П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. С. 47.

¹⁴ *The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917* / ed. by D.C.B. Lieven. Cambridge, 2006. P. 135.

¹⁵ *Fischer G.* Op. cit. P. 71; *Galai S.* The Liberation Movement in Russia. P. 120; *Fröhlich K.* Op. cit. P. 77; *Charques R.* The Twilight of Imperial Russia. L., 1965. P. 104; *Crankshaw E.* The shadow of the Winter Palace: The Drift to Revolution, 1825–1917. L., 1976. P. 334.

¹⁶ См.: *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 47; П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. С. 5, 236–241.

¹⁷ *Breuillard S.* Op. cit. P. 100–101, 105–107; П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. С. 36, 49.

¹⁸ Российский либерализм: идеи и люди. С. 404–405.

¹⁹ *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia... P. 26; *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 8, 49.

²⁰ *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 126, 129, 378.

²¹ *Гайда Ф.А.* П.Н. Миллюков: Историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма... С. 37–43.

²² *Crankshaw E.* Op. cit. P. 334.

²³ *Charques R.* Op. cit. P. 104–106.

²⁴ *Hare R.* Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution. L., 1959. P. 333–334.

²⁵ *Schapiro L.* Russian studies. N.Y., 1986. P. 80.

²⁶ *The Cambridge history of Russia. Vol. II.* P. 228.

²⁷ *Badcock S.* Autocracy in crisis: Nicholas the Last // *Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honor of R.B. McKean* / ed. by I.D. Thatcher. Manchester; N.Y., 2005. P. 23.

²⁸ *Мальшева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. Ч. II. М., 2003. С. 147; *Оськин М.В.* П.Н. Миллюков накануне Февраля: Обратная связь с армией // Мыслящие миры российского либерализма... С. 130–138.

- ²⁹ *Pares B.* The fall of the Russian monarchy: A study of Evidence. L., 1988. P. 83–84; *idem.* My Russian memoirs. L., 1931. P. 91, 171–172, 383–384, 391–392.
- ³⁰ *Riha T.* A Russian European. P. 43, 57, 62, 78, 113–114, 192–193, 223–224, 227, 234–235, 245–246, 268–270, 272, 245, 336, 244; *idem.* Miliukov and the Progressive Bloc. P. 24.
- ³¹ См.: *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia... P. 197, 201, 222–223, 229, 257–259, 261, 279, 273–276.
- ³² *Waldron P.* The End of Imperial Russia, 1855–1917. Basingstoke; N.Y., 1997. P. 153–154.
- ³³ The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 667–668.
- ³⁴ См.: *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 30; *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 27, 30; *Вандалковская М.Г.* Указ. соч. С. 282.
- ³⁵ См., например: П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. С. 127, 220, 433–434, 439; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 6–10; Российский либерализм: идеи и люди. С. 411–417.
- ³⁶ ГА РФ, ф. 579, оп. 1 (кн. 3), д. 3546.
- ³⁷ *Алексеева И.В.* Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. СПб., 2009. С. 447–453.
- ³⁸ *Anderson Th.* Op. cit. P. 288–291.
- ³⁹ *Fröhlich K.* Op. cit. P. 101–105, 108, 110, 195, 199–202.
- ⁴⁰ *Pearson R.* Miliukov and the Sixth Kadet congress. P. 221–224, 226. См. также: *Pearson R.* The Russian moderates and the crisis of Tsarism, 1914–1917. L.; Basingstoke, 1977. P. 80–89, 107, 109, 11–112, 117.
- ⁴¹ *Hasegawa Ts.* The February Revolution. Petrograd, 1917. Seattle; L., 1981. P. 349, 351–352, 354, 519–520, 532.
- ⁴² *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974. P. 52–53, 55–58, 64–65; *Розенберг У.Г.* Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 80–82, 96; *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 69.
- ⁴³ См.: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 384–388; 396–399, 401, 403; *Думова Н.Г.* Кончилось ваше время... М., 1990. С. 221.
- ⁴⁴ *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution... P. 182, 185, 207–215, 218, 222–231.
- ⁴⁵ *Wade R.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2005. P. 197
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3514.
- ⁴⁷ *Stockdale M.K.* Miliukov, nationality and national identity. С. 275–283; *idem.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia ... P. 186–192.
- ⁴⁸ П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. С. 462–472, 341; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 138.
- ⁴⁹ *Riha T.* A Russian European... P. 164–166; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia... P. 209, 212; *Новиков Д.Е.* Внешнеполитическая доктрина русского либерализма в начале XX века // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 313; *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 175–176, 178, 200–203, 213–215; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России, 1907–1914: Тенденции, люди, события. М., 2000. С. 51–53.
- ⁵⁰ См.: *Riha T.* A Russian European... P. 164–166, 207, 217; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia... P. 209, 212, 218–220.
- ⁵¹ *Smith C.J.* Op. cit. P. 470–471, 473, 476.
- ⁵² *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution... P. 76; *Lincoln W.B.* Op. cit. P. 356, 358–359; *Wade R.* The Russian Search for Peace: February–October 1917. Stanford, 1969. P. 7, 12; *idem.* The Russian Revolution. P. 8; Ср.: *Коллин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 149; *Спирин Л.М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 125–128; *Думова Н.Г.* Кадетская партия... С. 143–145.
- ⁵³ *Wade R.* The Russian search for peace... P. 37–38.
- ⁵⁴ *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 63–70, 100, 105–107 и др.; *Игнатъев В.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 141–145.